

Бортовой журнал: обновление до главы 109.

Краткое содержание:

В этой книге выходит по шесть тысяч знаков в день, иногда случайно выпадает по девять тысяч, трудолюбивая пчелка просит спонсоров о содержании!

У Сюнь Мулуна в жизни было два главных огорчения.

Первое — не удалось насмерть придушить растленную змеиную душу, выросшую на его теле.

Второе — не получается развестись с принцем, который вышел за него замуж ради отвода беды и улучшения судьбы.

Самое досадное, что эти двое, похоже, один и тот же человек.

А еще обиднее то, что эти двое, будучи одним человеком, совершенно не умеют уживаться друг с другом.

Как же надоело, как до чертиков надоело.

Эта книга также известна под названиями:

Что пошло не так в процессе самоспасения после вынужденного заключения брака?

Почему я, у которого всего один партнер, должен каждый день жить на арене смертельной борьбы?

Эй, полиция нравов, моя жена снова пытается убить моего мужа!

Главный герой с раздвоением личности (актив)

Главный герой в роли пассива (шоу)

1 на 1

Старорежимный, консервативный, желчный и предвзятый пассив, который притворяется, будто ничего не знает, против властного и необузданного змеиного духа (актив) / расчетливого, милого снаружи, но коварного младшегоактива.

Никакого интеллекта, никакой логики, полная глупенькая милота.

Сеттинг: межзвездное пространство.

А также: я все еще сомневаюсь по поводу вопроса с деторождением, размышляю.

Глава 1. Слабый аромат сладостей смутно доносился издалека, неся с собой капельку опьяняющего благоухания. Он проникал сквозь кожу, парализуя обнаженное белоснежное тело, скрытое среди густых трав и цветов.

В зарослях буйной растительности прятался погруженный в сон юноша.

Черты лица юноши с плотно сомкнутыми веками во сне казались мягкими, тонкие мягкие пряди падали на его лоб и щеки, а сверху оседали ослепительно белые, чистые, как снег, лепестки. Его грудь мерно вздымалась при ровном дыхании, медовая кожа без единой нитки одежды отливала теплым сиянием, а стройные конечности были расслабленно, удобно и чуть подогнуты, скрывая вместе с травой и ветками тайны юношеского тела.

Легкий ветерок колыхал воздух, и в этой тишине издалека донесся шорох — неторопливый, размеренный, становившийся все ближе и ближе.

Этот едва уловимый звук словно проникал прямо в уши юноши: брови спящего с зажмуренными глазами постепенно нахмурились, две красивые, резкие, словно мечи, брови сошлись на переносице, тонкие губы сжались в нитку, а расслабленное тело во сне тоже начало постепенно каменеть. В нем читалось трудно уловимое сопротивление, но оставалось лишь пассивно и беспомощно ждать.

Тихий хруст ломающихся стеблей и листьев оставлял за собой извилистый след, приближаясь к заросшему травой юноше.

Среди нежно-зеленой травы и бело-красных цветов появилась толщиной с человеческую руку черная змея в чешуе, которая зловеще блестела при каждом ее движении.

Красный раздвоенный язык высунулся, дрожа в воздухе, а затем спрятался обратно. Черная змея двигалась с совершенно четкой целью: изогнув кольцами свое тело, она подползла к обнаженным пальцам ног юноши.

Спящий юноша казался встревоженным. Его стопа выгнулась, свод стопы покрылся рябью, натянутый подъем ноги образовал прямую линию, тянущуюся от лодыжки к голени — всю как на ладони.

Длинная черночешуйчатая змея поползла вдоль ног юноши и замерла, ее тонкое и длинное тело изогнулось, обвив лодыжку, и змеиный хвост змейкой пополз вверх по ноге.

Кожа юноши была белоснежной, а черная змея, словно выведенная тушью на картине, своевольно скользила и обвивала его светлое тело. Красный змеиный язык то и дело высунувался, непрестанно касаясь кожи юноши, и вскоре тело юноши уже покрылось розоватым румянцем, который постепенно распространялся от щек и тяжело вздымающейся груди все ниже.

Порыв ветра пронесся мимо, подхватывая опавшие лепестки, и мягко завернул их спиралью у бока юноши, где они долго кружились, не падая на землю. Однако в этот момент ни человек, ни змея не обращали внимания на происходящее.

Юноша приоткрыл рот, тяжело и часто дыша, и его грудь непрерывно вздымалась вслед за этим. Его руки безвольно повисли вдоль тела, пальцы чуть подогнулись, со временем едва

цепляясь за стебли цветов, но сделать что-либо большее он был не в силах.

Черная змея покачивала хвостом, то продвигаясь по телу юноши, то замирая. Черное змеиное тело оплетало юношу, двигаясь снизу вверх — от голеней к бедрам, медленно подбираясь к основанию ног.

Ветер закружил воронку, бесчисленные лепестки густо падали вниз, словно цветочный дождь, и со сладковатым ароматом укрывали белое тело, переплетенное с черной змеей в зарослях.

Тело словно обрело былые силы, вот только веки по-прежнему казались тяжелыми, как тысяча цзиней, не позволяя разглядеть хоть что-то перед глазами.

Даже не видя ничего, ощущения тела подсказывали юноше, что в его объятиях появилось новое знакомое прохладное и гладкое тело.

Руки сами собой обвились вокруг него, крепко прижимая эту прохладу. Несмотря на это, жар, внезапно вспыхнувший в теле, унять было невозможно. Как бы крепко ни обнимал юноша, ему все равно было мало, с его губ срывались обрывистые всхлипывания — то ли жалобы, то ли призывы к спешке.

Черная змея поняла недовольство юноши, и не успело пройти и мгновения, как от змеиного тела исходило белое сияние. Спустя миг крепкое, сильное и прохладное тело навалилось на юношу. Обширная прохлада заставила юношу с чувством полного удовлетворения обвить руками шею человека сверху и самостоятельно прижаться к нему.

В ветре слышался чей-то легкий смешок — легкий, как галлюцинация, готовый рассеяться от малейшего касания.

Два сплетенных тела слились воедино, неотделимые друг от друга. Со временем тела постепенно насыщались в процессе обладания, и лишенные прежних оков веки юноши наконец смогли дрожа приподняться. Ресницы трепетали, зрение переходило от размытого к четкому, и на сетчатке медленно запечатлелась макушка того самого человека, который все это время двигался на нем и дарил ему тепло.

Тот человек высунул кончик языка и продолжал облизывать ключицу юноши. Словно заметив пробуждение юноши, он поднял голову, и на его исполненном зловещего очарования лице распустилась опасная улыбка, а в узких глазах алела пара звериных зрачков.

Пара глаз, источавших непоколебимую уверенность, в упор смотрела на него...

Сюнь Мулун резко очнулся ото сна, его глаза были полны паники, а вспотевшие пряди волос лисли к вискам и лбу, придавая ему еще больше хрупкости.

Собравшись с силами, он весь в липком поту приподнялся с постели. Сюнь Мулуну потребовалось ровно пять минут, чтобы унять учатившееся дыхание и сердцебиение и восстановить нормальный ритм.

Он закрыл лицо руками, сглотнул вставший в горло ком и лишь спустя долгое время успокоился.

Потратив еще немного времени на психологическую подготовку, Сюнь Мулун откинул одеяло. Аккуратная пижама, в которой он заснул, теперь кучей валялась в ногах кровати. Обнаженное тело и следы на постели — все говорило ему о том, что этот сон был до жути реален.

— Снова...

Долго вздохнув, юноша тихо пробормотал, исполненный беспомощного поражения.

Босиком дойдя до ванной, юноша открутил кран и уперся руками в стену, позволяя воде смывать пот с его тела. Он опустил голову, и взгляд неизбежно упал на змеиный узор, тянувшийся с внутренней стороны бедра до самой лобковой кости.

Уже дошло до этого.

Сколько Сюнь Мулун себя помнил, на его теле всегда был крошечный черный узор. Поначалу никто не придавал этому значения, пока черная полоска со временем не начала ползти вверх от лодыжки. К дню его восемнадцатилетия этот змеиный узор добрался до весьма сокровенного места. В особенности после того, как он очнулся в день своего совершеннолетия от бредившего жаром обморока, его стало преследовать одно и то же сновидение. Раньше все было относительно спокойно: оно являлось раз в несколько месяцев, а проснувшись, он забывал содержание. Но с этого года все изменилось: тот сон повторялся с завидной регулярностью, каждые несколько дней. Где бы он ни находился, когда бы ни засыпал, сон приходил вовремя, неизменно. А содержание снов становилось все отчетливее.

Теперь даже лекарства не помогали.

Потоки воды омывали этот черный змеиный узор — холодный, безжизненный, казавшийся простой татуировкой без малейших странностей.

И только Сюнь Мулун знал, что черная змея из его сна и узор на его теле тесно связаны между собой.

Особенно учитывая то...

Лицо Сюнь Мулуна помрачнело.

Эта змея, которая вечно будоражила его годами подавляемое тело, в сновидениях обращалась длинноволосым мужчиной с алыми глазами и творила с ним все, что заблагорассудится.

А он сам, лишенный всякой стойкости, раз за разом терял рассудок под ласками этой змеи.

Нужно срочно что-то предпринять...

После часа привычной утренней тренировки Сюнь Мулуна почти подошло время завтрака. Приведя себя в порядок, он направился в усадьбу прадеда.

На этой отдаленной пограничной планете Кадус единственным родственником, который мог сидеть за одним столом с Сюнь Мулуном, был патриарх рода Сюнь, бывший маршал Сюнь Дэфань.

Что же касается родителей, дедушек, бабушек, дядей, тетей и кузенов, то все они находились на столичной планете, и лишь Сюнь Мулуна в детстве, после того как государственный прорицатель предрек ему судьбу бога войны, отправили в эти далые края расти вместе со старшим поколением — маршалом Сюнь Дэфанем. И Сюнь Мулун действительно оправдал предсказание: в свои двадцать два года он носил звание генерал-майора и обладал безграничным будущим.

Сюнь Мулун, которого почти с пеленок воспитывал прадед, глубоко уважал старика. Пока он не участвовал в военных действиях, в поместье Сюней он каждый день составлял прадеду компанию за трапезой.

Сегодня не стало исключением: завтрак по-прежнему принадлежал только им двоим.

Хотя прадед был уже в преклонном возрасте, боевой дух его не угасал. Проведя в отставке много лет, он по-прежнему строго придерживался армейских привычек и даже дома держал осанку прямой. Сюнь Мулун годами копировал его манеру, и эти правила давно въелись в его плоть и кровь — сидел он неизменно с прямой спиной.

Перед едой Сюнь Мулун перекинулся с прадедом парами дежурных фраз, а когда началась трапеза, оба хранили молчание, поглощая завтрак в тишине.

После еды дед с внуком прогуливались по саду, попутно разбирая и анализируя свежие военные сводки.

Время для Сюнь Мулуна пролетело незаметно. Его подчиненный Лукас уже прибыл: отдав честь снятием фуражки, он тихо ожидал в стороне.

Старший господин Сюнь с некоторым сожалением оборвал разговор и произвел:

— Ступай к работе, вернешься — продолжим.

— Есть, прадед.

Сюнь Мулун кивнул. Проводив старика до каменного стола под тенью раскидистого дерева, он развернулся и ушел вместе с терпеливо ждавшим Лукасом.

Пользуясь моментом, Лукас тихо доложил Сюнь Мулуну кое-какие новости. Они шли и разговаривали, но перед самыми воротами усадьбы Сюней наткнулись на новейшую модель аэрокара, остановившегося неподалеку. Из машины вышло несколько посланцев в парадных мундирах, что-то бережно державших в руках. Заметив Сюнь Мулуна, они почтительно отдали честь, и один из них произнес:

— Доброе утро, ваша светлость генерал-майор.

Сюнь Мулун бросил лишь один взгляд и сразу понял, что эти люди, скорее всего, прибыли из Столицы. Он кивнул:

— Что-то случилось?

Главный посланник с улыбкой на лице поклонился Сюнь Мулуну и высоко поднял руки:

— Уважаемый господин генерал-майор, здесь находится табель успеваемости Его Высочества Седьмого принца за полугодие, распишитесь, пожалуйста.

Сюнь Мулун на миг замер, его красивые брови слегка изогнулись:

— Прошу прощения за прямоту, но каким образом табель успеваемости Седьмого принца попал ко мне?

Посланник просто выполнял поручение и никаких подробностей не знал, поэтому лишь виновато улыбался:

— Так велел Его Высочество, а я лишь исполнитель. Прошу вас принять документ, ваша светлость.

Табель успеваемости какого-то несовершеннолетнего принца, не играющего никакой роли на Столичной планете — для Сюнь Мулуна подобная вещь не представляла никакой сложности. Он взмахнул рукой, и Лукас шагнул вперед, принимая эту ведомость от принца.

— Ваша светлость, — посланник с облегчением выдохнул, передав табель. — Теперь мне нужно навестить господина Сюня. Уходя, Его Высочество велел передать вам: как только документ окажется у вас на руках, пожалуйста, свяжитесь с принцем. Он расскажет вам все, что вы захотите узнать.

Сюнь Мулун ничего не ответил. Дождавшись, пока навстречу выйдет управляющий поместья Сюней, он поправил одежду и в сопровождении Лукаса сел в машину, направляясь в военный

округ.

Едва прибыв в кабинет, адъютант Джейсон, давно ожидавший там, поприветствовал Сюнь Мулуна и протянул ему деревянную шкатулку:

— Ваша светлость, сегодняшний подарок от вашей поклонницы по имени Сяо Ци.

Сюнь Мулун бросил на нее беглый взгляд. Он уже привык к этой фанатке, которая последние три месяца каждую неделю исправно присылала ему подарки, называя себя Сяо Ци. Посылка, судя по отслеженному источнику, приходила из Столичной военной академии — от первокурсницы, только что поступившей туда. Каждый раз она пересылала популярные среди столичной молодежи снеки, не скрываясь и отправляя всё совершенно легально через официальные каналы Кадуса.

Сюнь Мулун кивнул:

— Сложи к остальным.

Будучи военным, он придерживался непреложного правила никогда не есть постороннюю, неизвестную пищу. Даже получая подарки от поклонников, прошедшие проверку безопасности, он неизменно убирал их отдельно, на хранение в другое место.

Так что старания этой студентки со Столицы практически всегда отправлялись пылиться на полку.

Джейсон уже столько раз имел дело с посылками от этой Сяо Ци, что действовал с закрытыми глазами, привычно убрав деревянную шкатулку в полностью герметичный шкаф в углу комнаты.

После короткого обмена репликами Сюнь Мулун с головой погрузился в бесконечный ворох дел и проработал вплоть до полудня. Когда подошло время обеда, Лукас постучал в дверь, подошел ближе и тихо произнес:

— Ваша светлость, табель принца всё еще здесь.

Сюнь Мулун опешил:

— Чуть не забыл. Оставь здесь.

За мгновение до обеда Сюнь Мулун наконец просмотрел табель успеваемости, присланный седьмым принцем имперской семьи.

Вопреки ходившим слухам о робком, забитом характере и образе такого «невидимки» среди принцев, этот бумажный документ пестрил аккуратным, красивым почерком экзаменуемого, отличался четкой логикой и во всех отношениях выглядел весьма достойно

— по крайней мере, по мнению Сюнь Мулуна.

Вот только почему столь безупречный табель прислали именно ему?

Вспомнив слова посланника, Сюнь Мулун немного подумал, снял ограничения и, отыскав коммуникационный номер Седьмого принца Ци Юаня, совершил вызов.

Спустя мгновение связь установилась. Из далекой столицы, из простой на вид комнаты, перед Сюнь Мулуном предвела голографическая проекция беловолосого юноши в безупречном военном мундире.

В еще не окрепшем теле несовершеннолетнего юноши угадывалась хрупкость, а его белоснежная, прозрачная кожа излучала болезненную красоту. Из-под коротких, растрепанных снежно-белых прядей глядела пара влажных глаз, полных застенчивости. Мундир был застегнут на все пуговицы до самого горла, так что Сюнь Мулун не мог разглядеть движения кадыка, а видел лишь то, как тонкие губы принца шевелились, с робким стеснением произнося:

—...Ваша светлость генерал-майор Сюнь Мулун.

Его звонкий и мягкий голос звучал словно капли родниковой воды, падающие на нефрит.

На мгновение Сюнь Мулуну показалось, будто перед ним эльф.

Опомнившись, Сюнь Мулун мысленно усмехнулся: этот малозаметный принц империи обладал внешностью, способной затмить любого из венценосных особ.

Сюнь Мулун слышал о Седьмом принце.

Будучи младшим из царственных сыновей, Ци Юань появился на свет практически незаметно. Рождение старшей принцессы праздновала вся страна, день рождения старшего принца освещали СМИ множества государств, а прочие принцы по мере взросления демонстрировали выдающиеся таблицы успехов — кто завоевывал народную любовь, кто сближался с политической элитой, и новости о них то и дело облетали империю. А вот Седьмой принц Ци Юань выглядел куда блеклее своих братьев и сестер.

Сюнь Мулун долгие годы рос на Кадусе и не слишком интересовался столичными сплетнями, особенно теми, что тщательно замалчивались при дворе и редко доходили до его краев. Все, чем запомнился этот Седьмой принц простому народу — разве что необычным цветом волос, разительно отличавшимся как от его братьев и сестер, так и от родителей-императоров, что когда-то стало пищей для разговоров. Впрочем, то было семнадцать лет назад. За все время взросления этот юный принц не выказал ни выдающихся способностей, которые могли бы соперничать с талантами других принцев, ни надежной опоры в виде партий или армии. Младший сын, который по идее должен был купаться в заботе, редко упоминался императором и императрицей на публике. Лишь старшая принцесса и второй принц иногда проявляли

снисходительность к младшенькому брату, когда в ходе благотворительных акций выводили в свет нарядно одетого хрупкого царевича.

Впечатление, которое Седьмой принц Ци Юань производил на Сюнь Мулуна, сводилось к образу застенчивого, тихого, послушного и совершенно незаметного ребенка. Даже его недавнее поступление в Императорскую военную академию воспринималось окружающими лишь как попытка красивого принца поработать живой рекламой для армейского набора.

В конце концов, на носу была война, и армии требовалось лицо из числа венценосных особ в качестве символа.

Если не считать редких встреч на всевозможных дворцовых банетах, где этот принц сидел тихонько, словно цветок в горшке, нынешний вызов можно было считать первым случаем, когда Сюнь Мулун лично, один на один, «встретился» с семнадцатилетним седьмым высочеством.

Сюнь Мулун отбросил лишние мысли и кивнул беловолосому юноше:

— Седьмое высочество.

По статусу собеседник, несомненно, являлся принцем королевской крови, но кроме этого титула за душой у Ци Юаня ничего не было. Сюнь Мулун же занимал совершенно иное положение — на его плечах красовались погоны генерал-майора, поэтому он вполне мог не выказывать юноше чрезмерных почестей. Если уж на то пошло, будь тамошний высочество чуточку воспитаннее, он бы сам первым поприветствовал Сюнь Мулуна. Точно так же, как поступали те старшие принцы, которые изо всех сил стремились сблизиться с самым молодым и перспективным генерал-майором империи.

Беловолосый юноша, казалось, вовсе не придавал этому значения. Он не стал кланяться Сюнь Мулуну и никак не выразил недовольства тем, что генерал не ответил ему поклоном. Лишь после слов Сюнь Мулуна он слегка опустил голову.

— Генерал, вы посмотрели мой табель? — хрупкий юноша выглядел несколько смущенным, его глаза искрились застенчивостью, взгляд избегал прямого контакта с глазами Сюнь Мулуна, а ресницы трепетали, вызывая жгучее жалостливое чувство.

При этих словах Сюнь Мулун вспомнил, зачем вообще связался с этим принцем, и, собравшись с мыслями, поинтересовался:

— Ваше высочество, прошу прощения за дерзость, но почему ваша ведомость была отправлена из столицы на далекий Кадус, прямо мне в руки?

Ци Юань тихо ответил:

— Это мой первый табель успеваемости после поступления в военную академию, и я хотел

показать его вам лично. Надеюсь, вы поймете, что на самом деле я подхожу к учебе со всей серьезностью, а не ленюсь.

— Да, я ознакомился с вашим табелем, высочество, он превосходен, — похвалил Сюнь Мулун, а затем сменил тон: — Но почему при таких результатах вы не представили их императору?

На лице Седьмого принца проступил легкий румянец:

— ...Генерал, вы — самый выдающийся курсант академии за последнее столетие и лучший генерал-майор империи. Мне хотелось, чтобы вы увидели мои старания.

Сюнь Мулун догадался: похоже, Седьмой принц решил заручиться его поддержкой.

Юный, несовершеннолетний принц, желающий обрести собственную опору и перетянуть на свою сторону фигуру, имеющую вес в армии и способную принести максимальную выгоду — без ложной скромности, помимо него, второго подходящего кандидата просто не существовало.

Сюнь Мулун испытал легкое разочарование. Он никак не ожидал, что этот доселе тихий и отстраненный от мира младший принц, попав в военную академию, тоже затаил большие амбиции и, пытаясь тягаться с уже окрепшими старшими братьями и сестрами, прибегнул к тем же методам ради достижения тех же целей.

Хотя для принца иметь собственные амбиции было в порядке вещей, Сюнь Мулун на дух не переносил подобных интриг. Те из принцев, что прежде пытались привлечь его на свою сторону вежливо — получали столь же вежливый отказ; те же, кто действовал нахрапом, получали жесткий отпор.

<http://bllate.org/book/21212/2146752>